

Сказочник не строит стратегию

Александр Митта и его осуществленные фантазии

Независимая газ. - 2003. - 28 марта. - с. 13, 15.

Сергей Шаповал

Сегодня кинорежиссеру Александру Митте исполняется 70 лет. Митта для нашего кино – фигура знаковая, практически все его картины вне зависимости от оценок становились заметными явлениями, зрительский успех некоторых из них был просто феноменальным. Постоянно меняющийся художник поражает своей энергией и умением реализовываться в самых разных сферах. Поэтому накануне внушительного юбилея логично было поговорить о феномене возраста в его жизни.

Александр Наумович, я предлагаю уйти от обычного юбилейного разговора и обра-

тери. Детства мне явно не хватило, эту нехватку я компенсирую всю свою жизнь. Много радостного времени я провел в московском Доме пионеров, там были всякие кружки, там блистал Ролан Быков, на которого я смотрел, как на бога, хотя он был старше меня года на четыре. Потом я ушел в жизненное подполье, потому что к концу 50-х создалась довольно напряженная ситуация: мы были из семьи врагов народа, моих подросших сестер стали ссылать. Такая же судьба, по всей видимости, ждала и меня, поэтому мне в семье сказали, что надо приобретать профессию для лагеря, а все остальное – потом. Я подчинился и пошел в строительный институт, хотя хотел в художественный. Мои сестры не знали, что художник в лагере очень востребованный человек. Никакой пользы этот институт мне не принес, лучше

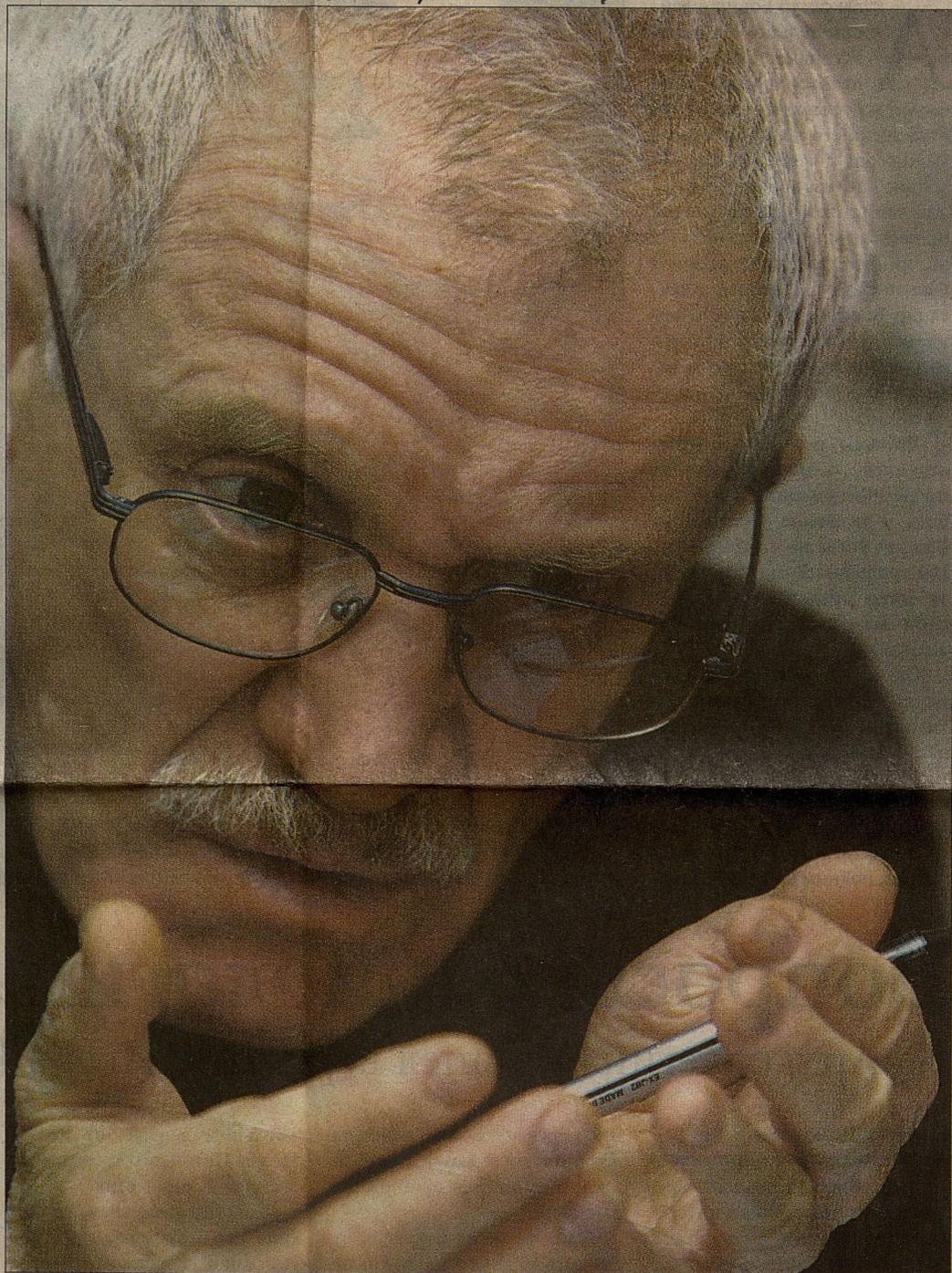
Какого черта столько лет с утра до ночи я сижу в студии, пропахшей горелыми электродами?

таться к проблеме возраста. Люди, пытающиеся анализировать свою жизнь, способны выделить определенный этап, который существенным образом повлиял на их судьбу. Какой период определил вашу жизнь?

– Моя жизнь – это вечное детство. Я, к сожалению, не стал зрелым человеком. Мое детство оборвалось очень быстро. Мне было четыре года, когда посадили мою мать. Она вернулась из лагерей, мне было четырнадцать лет, два года во время войны я провел в детском доме. Так что вырос я фактически без ма-

бы я учил языки. Но тут тоже возникла проблема. В школе у меня хорошо было с немецким языком, но дома мне сказали: «Подальше от этого, будешь знать языки – скажут, что ты шпион». Страхом было пронизано буквально все...

Нехватка детства сказалась, и когда я пришел в кино. Я стал снимать картины для детей, хотя это было настоящей каторгой: дети не держат внимания, за них надо все придумывать, контролировать их. Но мне это нравилось, я с детьми чувствовал себя уверенно. Когда я стал снимать «взрослое» кино, я все рав-

«Я не могу делать то, что нужно, если это мне не нравится».

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

но делал сказки. И «Экипаж» – сказка, которую восприняли как фильм-катастрофу, и «Граница» – сказка, которую рассматривают в рамках других жанров.

– Затягивающееся детство содержит в себе опасность инфантилизма...

– Это жуткая опасность. До недавнего времени мне все время

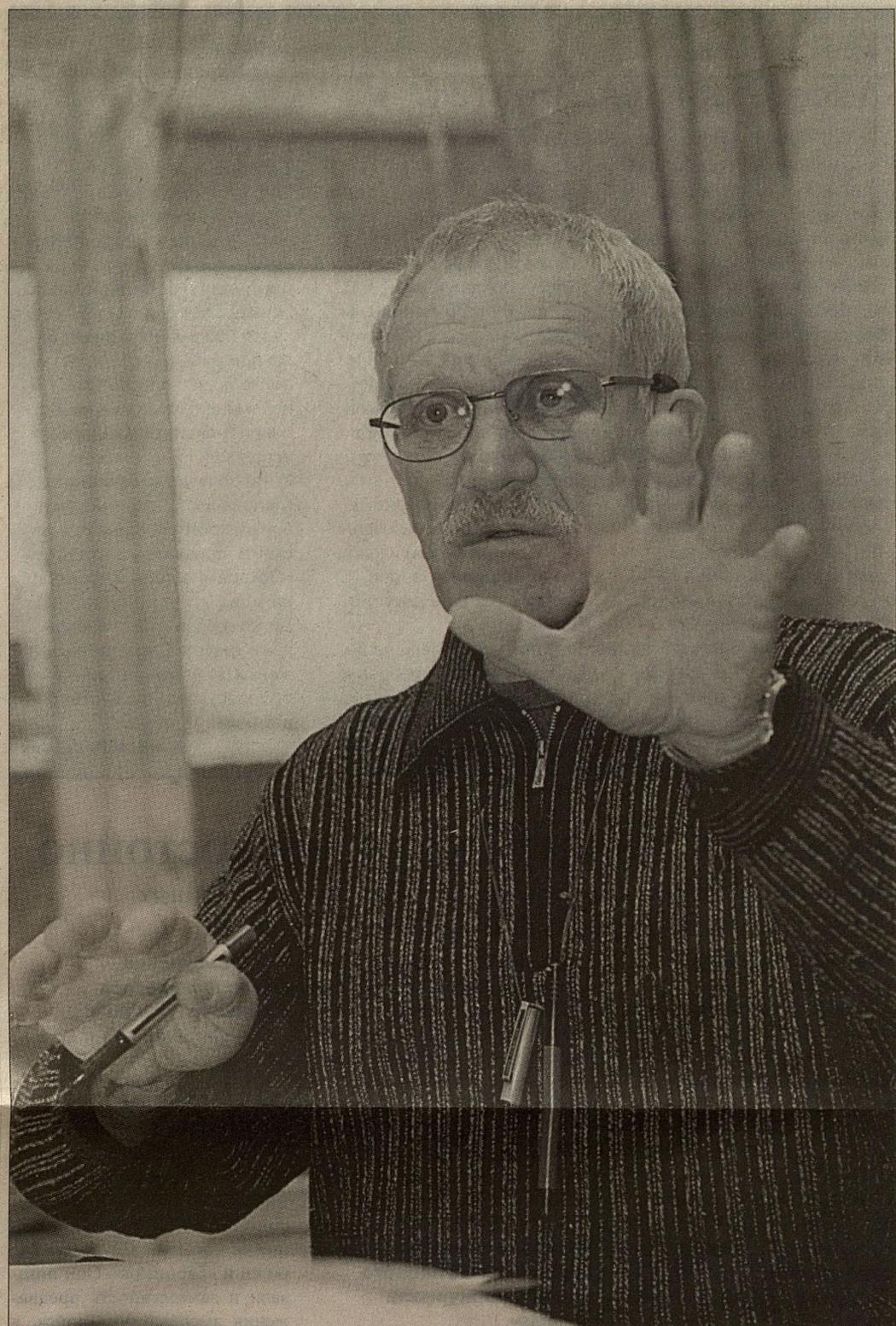
приходилось себя контролировать. Но к каким-то вещам я до сих пор отношусь по-детски. У меня нет ощущения, что я много лет проработал, я про-

сто жил в мире моих фантазий и некоторые из них реализовывал. Но я не могу делать то, что нужно, если это мне не нравится. Например, я не могу научиться водить машину. Я два года работал в Америке, там без машины просто невозможно, и я попытался ездить. Однажды заснул за рулем, меня вынесло на двенадцатирядное шоссе, и непонятно, как я остался цел. А как-то у меня была машина, она простояла несколько лет, и я к ней ни разу не подошел – пришлось продать. Когда я работаю, мне выделяют служебную машину, в остальное время езжу на метро. За этим нет какой-то стратегии, мною движет подсознание.

– Вы не можете свою жизнь разбить на традиционные этапы: детство, юность и т.д.?

– У меня другая периодизация. Например, когда исполнилось тридцать лет моей работы в кино, меня осенило: какого черта столько лет с утра до ночи я сижу в студии, пропахшей горелыми электродами? У меня нет никакой жизни! Замечательно сказал Хичкок: «Я зашел на студию, и тяжелые ворота на всю жизнь захлопнулись за мной». Я освоил профессию педагога, у меня началась сказочная жизнь. В Европе должность профессора – это что-то поистине фантастическое! У меня появилась возможность слетать в любое место и не искать там знакомых, которые постелят тебе на полу, чтобы сэкономить на гостинице. Я узнал, что можно жить по-другому! Я сделал карьеру, выпустил книгу, но на Западе любое дело нужно все время развивать. Вдруг я понял, что никогда не смогу вернуться в кино, меня охватил ужас: я выкинул себя из жизни на восемь лет! К тому времени я знал, как разговаривать с новым зрителем. Я вернулся с идеей стать сериальным режиссером.

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 15

Александр Митта: «Коллеги меня считают чокнутым». Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

Сказочник не строит стратегию

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

Тогда сериалы еще не делались, фактически я второй раз продюбютировал. Моя незрелость позволила мне начать все с чистого листа, я не чувствовал, что за моей спиной много картин. Если бы я не смог отрешиться от предшествовавшего опыта, я бы не смог работать.

– **Глядя на вас, коллеги не крутили пальцем у виска?**

– Меня считают чокнутым. То, что я деревенский дурак в нашем кинематографе, – это общее место.

– **Вы считаете, что юношеские порывы умирять не надо, напоминая себе о взрослой жизни?**

– На уровне идей я пытаюсь это делать, но в жизни не получается. У меня нет определенных символов престижа, но это позволяет мне жить в воображаемом мире, что приносит мне гораздо большее удовлетворение, чем обладание материальными объектами. У меня психология художника, я немного рисую и знаю, какое сча-

стье, когда перед тобой на холсте возникает твой замысел. Композитор пишет значки, мы снимаем кадры, которые потом собираются в картину, а художник реализуется в момент работы. Такого счастья, которое я испытывал во время занятий живописью и рисунком, кино мне не приносит. Но тут мне не хватило мужества для того, чтобы изменить свою судьбу.

– **Вы не раз говорили, что вы проектный режиссер, понятия «талант» и «творчество» вы к себе не применяете, но вряд ли возможно снимать ради съемок и не смотреть на качество произведенного продукта.**

– Это большая проблема. Я к себе отношусь очень критично, если бы телевидение не напоминало о моих старых работах, я бы о них и не вспоминал. Слава богу, некоторые мои картины живут долго, но я не боюсь зависнуть на их успехе. Я живу тем, что мне предстоит сделать. Алексей Герман, будучи человеком, остро на все ре-

агирующим, сказал мне: «Если бы режиссер, снявший «Звонят, откройте дверь!», посмотрел «Границу», он бы удавился». И это чистая правда! Но я считаю, что человеку свойственно меняться. Если этот процесс останавливается, теряется ощущение остроты жизни.

– **Как вы относитесь к своему нынешнему возрасту? Не так давно в одну телепередачу был приглашен Евтушенко, ведущий обмолвился: «Вам скоро исполняется 70 лет». Юбиляр сильно смутился и сказал: «Ну зачем же так объявлять возраст на всю страну».**

– У него была такая счастливая юность, он так ярко реализовал себя, что это создает синдром вечной юности. Хочется быть вечно молодым. Ко мне возраст не имеет отношения. Пока ты не ощущаешь тяжести своего тела, у тебя нет возраста. В любом случае ясно одно: человеческая жизнь коротка, сколько бы ты ни прожил. ■